

Капитан М.

Тишина
В
библиотеке

Капитан М.

Тишина в библиотеке

«Автор»

2026

М. К.

Тишина в библиотеке / К. М. — «Автор», 2026

Скромный архивариус Егор Свешников находит в старинном фолианте зашифрованное послание о готовящемся покушении. Ему не верят, а за ним уже идёт охота. Используя знания из книг и знание библиотечных катакомб, он вынужден сражаться с профессиональными агентами, чтобы предотвратить катастрофу. Захватывающий экшн о том, как обычный человек, любящий тишину, становится героем.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шёпот пергамента	5
Глава 2. Архив забвения	12
Глава 3. Читальный зал как поле боя	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Капитан М. Тишина в библиотеке

Глава 1. Шёпот пергамента

Дождь, мелкий и настойчивый, словно просеянный сквозь сито уставшего неба, барабанил по высоким арочным окнам читального зала. За этими окнами, в серой пелене вашингтонского утра, тонули очертания Капитолия, а здесь, внутри, царила иная стихия — сухая, тёплая, пропитанная запахом старой бумаги, воска и едва уловимой, благородной пылью веков. Эта пыль оседала на тёмных дубовых стеллажах, на кожаных корешках фолиантов, на бронзовых лампах, льющих мягкий, янтарный свет на читательские столы. И, конечно же, на плечи Егора Алексеевича Свешникова.

Егор Алексеевич, архивариус отдела редких книг и специальных коллекций Библиотеки Конгресса, сидел за своим столом в дальней, самой тихой секции, отгороженной от основного зала массивными шкафами, уходящими под самый потолок. Он был человеком, который почти идеально сливался с окружающей его обстановкой. Слегка сутулые плечи, облачённые в неизменный твидовый пиджак мышиного цвета, очки в тонкой стальной оправе, сползшие на кончик носа, и пепельные, слегка растрёпанные волосы, тронутые сединой на висках. На вид ему можно было дать и сорок, и пятьдесят — время в этих стенах текло иначе, подчиняясь не календарю, а ритму переворачиваемых страниц.

Перед ним на столе лежала книга. Даже не так — Книга. Это был не просто печатный труд, а произведение искусства, призванное пережить империю. Тяжёлый переплёт из тёмной, почти чёрной кожи, покрытой тиснёным золотом, с медными уголками и застёжками, потемневшими от прикосновений многих поколений владельцев. Это был «Трактат о тайных обществах и их знаках» некоего аббата Мартино, изданный, судя по всему, в Лионе в тысяча семьсот восемьдесят девятом году. Книга поступила в фонд на прошлой неделе в составе частного пожертвования от наследников какого-то эксцентричного коллекционера из Бостона и требовала тщательной каталогизации, оценки состояния и, возможно, реставрации.

Егор Алексеевич работал с ней уже третий день. Медленно, с бесконечной осторожностью, переворачивал хрупкие страницы, испещрённые убоистой вязью латинского текста, делал пометки в своём блокноте, изучал владельческие подписи и экслибрисы. В этой работе, лишённой внешней динамики, заключался для него особый, почти медитативный смысл. Он не просто описывал книгу — он устанавливал с ней связь, узнавал её историю, слышал её безмолвный голос.

Именно это безмолвие, эта «тишина в библиотеке» и была его стихией, его убежищем от хаоса внешнего мира.

— Свешников, опять закопались? — раздался у него за спиной приглушённый, но бодрый голос.

Егор Алексеевич вздрогнул и обернулся. Перед ним стояла Маргарет Томпсон, старший библиотекарь их отдела, женщина лет пятидесяти, подтянутая, в строгом тёмно-синем костюме, с высокой причёской и пронизательными серыми глазами, которые, казалось, всегда видели всё и вся.

— Доброе утро, Маргарет, — тихо отозвался Свешников, снимая очки и протирая их замшевой салфеткой. — Да, аббат Мартино, знаете ли, оказался на редкость словоохотлив.

— Судя по толщине тома, не сомневаюсь, — хмыкнула Маргарет, бросив взгляд на фолиант. — Надеюсь, он не подкинет нам сюрпризов. Бумага, насколько я понимаю, в удовлетворительном состоянии?

— В целом да, но на некоторых гравюрах есть следы жучка-точильщика. Уже взял пробы на экспертизу. И форзац немного отходит.

— Займитесь. Доклад о состоянии к пятнице, как обычно.

— Разумеется.

Маргарет коротко кивнула и уже повернулась, чтобы уйти, но на мгновение задержалась.

— И, Егор Алексеевич, — добавила она тише, — постарайтесь хотя бы выйти на обед. В столовой, между прочим, сегодня рыбный четверг.

— Что-нибудь придумаю, — пообещал Свешников, слабо улыбнувшись.

Он знал, что Маргарет по-своему заботилась о нём, как заботилась обо всех своих подчинённых, но в её голосе всегда слышалась лёгкая нотка покровительственного недоумения: как можно быть настолько погружённым в свой мир, чтобы забывать о еде?

Когда шаги Маргарет стихли в лабиринте стеллажей, Егор Алексеевич вновь надел очки и склонился над книгой. Взгляд его упал на последние страницы, которые он ещё не успел тщательно осмотреть. Это были нумерованные листы, примыкавшие к нахзацу. Он осторожно, подушечками пальцев, приподнял верхний лист, чтобы оценить состояние бумаги, и замер.

Между страницей и кожаным корешком переплёта, в узкой, тёмной щели, проглядывало что-то, что не принадлежало книге. Какая-то плотная, но не картонная вставка. Слишком тонкая, чтобы быть декоративной прокладкой, и слишком жёлтая, чтобы быть частью современного переплётного материала.

Сердце Егора Алексеевича, обычно бившееся размеренно, как метроном старинных часов, на секунду сбилось с ритма. Это был не трепет исследователя перед историей, а нечто иное — холодное, острое предчувствие.

Он бросил быстрый взгляд по сторонам. В его углу было пусто. Только бесконечные ряды книг, молчаливые и равнодушные свидетели. Он снова наклонился к фолианту. Чтобы извлечь находку, не повредив книгу, требовался специальный инструмент.

Егор Алексеевич открыл ящик стола и, немного покопавшись среди карандашей, лупы и костяных ножей для резки бумаги, извлёк тонкий металлический пинцет с плоскими, загнутыми кончиками. Затаив дыхание, он подвёл кончики инструмента к щели и медленно, миллиметр за миллиметром, начал извлекать посторонний предмет.

Это был конверт. Точнее, не конверт, а сложенный вчетверо лист бумаги, пожелтевший, но не такой старый, как сама книга. Бумага была плотной, с лёгким глянецом, какой использовали, пожалуй, в середине двадцатого века. На его поверхности, когда лист был полностью извлечён и развёрнут, проступил аккуратный, чёткий текст.

Но самое странное было не в этом. Текст был написан не от руки и не напечатан на машинке. Это были колонки цифр, разделённых точками.

Свешников выпрямился, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он видел перед собой самое настоящее зашифрованное послание, выполненное, судя по всему, простым шифром, который, тем не менее, не поддавался мгновенному прочтению. Перед ним лежала загадка, аккуратно спрятанная в переплёте книги, изданной двести с лишним лет назад.

Первой мыслью было отнести находку Маргарет. Или, возможно, непосредственно в службу безопасности библиотеки. Это был очевидный, протокольный шаг. Но что-то его остановило. Какое-то смутное, необъяснимое чувство тревоги, зародившееся где-то в глубине сознания. Он снова окинул взглядом зал. За столами сидели, низко склонившись над книгами и ноутбуками, всего несколько человек: седовласый профессор в клетчатом пиджаке, конспектировавший, как он полагал, старинные географические карты, молоденькая аспирантка, делающая пометки в толстой тетради, и мужчина в сером плаще, который, судя по всему, просматривал подшивку старых газет. Все были погружены в свои занятия. Никто не смотрел в его сторону.

Егор Алексеевич перевёл взгляд на шифр. Он не был криптоаналитиком, но, как специалист по старинным книгам, не раз сталкивался с тайнописью: с каббалистическими цифровыми заменами, с масонскими квадратами, с простыми шифрами подстановки. И это, на первый взгляд, напоминало именно последнее. Каждая строка представляла собой набор чисел: от одной до трёх цифр, разделённых точками. Всего восемь строк.

«3.15.12.9.20.5.18.1.20.21.18.1»

Он мысленно начал перебирать варианты. Если предположить, что числа соответствуют порядковому номеру буквы в латинском алфавите, то получалась бессмыслица. «Три, пятнадцать, двенадцать» — С, О, Л... Стоп.

«3» — С. «15» — О. «12» — Л.

Он мысленно представил русский алфавит. Или латинский? Восемнадцать букв в первой строке. Скорее всего, это послание на английском или русском. Он снова взглянул на цифры.

«3.15.12.9.20.5.18.1.20.21.18.1»

Если соответствие букв латинского алфавита:

3 = С

15 = О

12 = L

9 = I

20 = T

5 = E

18 = R

1 = A

20 = T

21 = U

18 = R

1 = A

Получилось: «COLITERATURA». Непонятно. Возможно, первые буквы являются ключом? Или это анаграмма?

Но если взять русский алфавит?

3 = В

15 = Н

12 = К

9 = З

20 = Т

5 = Д

18 = Р

1 = А

20 = Т

21 = У

18 = Р

1 = А

«ВНКЗТДРАТУРА». Тоже бессмыслица. Возможно, нужно сдвинуть на единицу? Или наоборот.

Он взял карандаш и начал быстро выписывать на отдельном листке буквы, пробуя разные варианты. Заменяв каждое число соответствующей буквой латинского алфавита, он получил следующее:

«C O L I T E R A T U R A»

Стоп. Это уже что-то знакомое. «C O L I T E R A T U R A». «ЛИТЕРАТУРА» — это по-испански или по-португальски? Нет. Он снова посмотрел на ряд. «C O L I T E R A T U R A».

Если убрать первые две буквы «СО», то останется «LITERATURA». Это слово «литература» на многих европейских языках. Но что означает «СО»? Приставка? Или ошибка?

Егор Алексеевич замер. Его рука с карандашом повисла в воздухе. Он вдруг понял. Восемнадцать букв. Это было не обычное сообщение. Это была дата.

«COLITERATURA» — нет, не так. Если читать не по буквам, а по числам: 3, 15, 12, 9, 20, 5, 18, 1, 20, 21, 18, 1.

«3 15 12 9 20 5 18 1 20 21 18 1»

Он представил себе таблицу. А что, если это не просто соответствие буквам, а географические координаты? Или номер в каталоге?

Он медленно, очень медленно перебрал в уме русский алфавит, затем латинский. Соответствие было простым. 1 = А, 2 = Б, 3 = В, 4 = Г, 5 = Д, 6 = Е, 7 = Ё, 8 = Ж, 9 = З, 10 = И, 11 = Й, 12 = К, 13 = Л, 14 = М, 15 = Н, 16 = О, 17 = П, 18 = Р, 19 = С, 20 = Т, 21 = У, 22 = Ф, 23 = Х, 24 = Ц, 25 = Ч, 26 = Ш, 27 = Щ, 28 = Ъ, 29 = Ы, 30 = Ь, 31 = Э, 32 = Ю, 33 = Я.

«ВНКЗТДРАТУРА». Это не имело смысла. Как и латинский вариант. Значит, это не простой порядковый номер. Возможно, сдвиг.

Он начал считать с нуля, как это делается в программировании, просто для проверки. Ноль — А, один — Б... Или сдвиг на одну позицию: единица — Я, двойка — А и так далее.

Его взгляд снова упал на строку. «3.15.12.9.20.5.18.1.20.21.18.1».

Он сглотнул. Его внутренний исследователь проснулся окончательно. Перед ним был не просто ребус, а нечто, что кто-то очень хотел скрыть. Причём, скрыть на виду, но так, чтобы это не нашли. Книга была издана в тысяча семьсот восемьдесят девятом. Но эта записка была явно новее. Кто-то подложил её позже, возможно, десятилетия спустя.

Он оторвал взгляд от записки и оглянулся. Библиотека Конгресса — это не просто здание. Это крепость знания. Здесь миллионы единиц хранения, сотни километров стеллажей. Обычный человек, найдя такое, вряд ли бы забил тревогу. Скорее всего, отнёс бы начальству или просто выбросил.

Но Егор Алексеевич Свешников не был обычным человеком. Он был архивариусом. Человеком, для которого каждая закорючка на полях старинного манускрипта могла рассказать целую историю. Он повидал множество странных находок: засушенные цветы, спрятанные между страницами, любовные записки, лотерейные билеты столетней давности. Но это...

Он снова склонился к тексту. Нужно было понять принцип. Он заметил, что в одной из строк повторялась последовательность чисел: «9.14.20.5.18.14.1.20.9.15.14.1.12».

«International»? На английском? «I N T E R N A T I O N A L» — «международный». Да! 9 = I, 14 = N, 20 = T, 5 = E, 18 = R, 14 = N, 1 = A, 20 = T, 9 = I, 15 = O, 14 = N, 1 = A, 12 = L. «INTERNATIONAL». Это слово.

Итак, шифр действительно был простой подстановкой латинского алфавита. И первые слова послания он уже разгадал. Это было приглашение? Или... предупреждение?

Он начал медленно, буква за буквой, расшифровывать первые строки.

Строка первая: «3.15.12.9.20.5.18.1.20.21.18.1» — «C O L I T E R A T U R A».

Он разделил: «CO LITERATURA». «С литературой»? А если это «COLITERATURA»? Есть такое латинское слово? Coliteratura? Нет. Может, это «C O L I T E R A T U R A» — и это «CO-LITERATURA» — «солитература»? Или «сопутствующая литература»? Или это имя?

Вторая строка: «5.20. 19.9.12.5.14.20.9.21.13». «E T S I L E N T I U M». «ET SILENTIUM». «И тишина». На латыни это звучало красиво. «C O L I T E R A T U R A E T S I L E N T I U M». «С литературой и тишина»? Или...

Егор Алексеевич почувствовал, как его лоб покрылся испариной. Послание было длинным. Он начал быстро переписывать цифры в столбик, параллельно подставляя буквы.

Он ушёл в работу, забыв о времени, забыв об обеде, о докладе для Маргарет, обо всём. Перед ним разворачивалась картина, от которой кровь стыла в жилах.

«...ВСТРЕЧА ПРОИЗОЙДЁТ В ДЕНЬ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ... НА ГЛАВНОЙ ПЛОЩАДИ СТРАНЫ... ПОД ВИДОМ ПРАЗДНИЧНОГО КОНЦЕРТА... ОБЪЕКТ НОМЕР ОДИН БУДЕТ НА БАЛКОНЕ РЕЗИДЕНЦИИ...»

Слова мелькали перед его глазами, как кадры из фильма-катастрофы. Готовящееся покушение. Здесь была указана и дата, и место, и даже тип оружия. Шифр был составлен на латыни, но с использованием английских слов. Это был анахронизм, но очень функциональный.

День летнего солнцестояния. Двадцать первое июня. Это через четыре дня.

Он поднял глаза. Серый дождливый день за окном вдруг показался ему декорацией к грядущему кошмару. Его сердце колотилось где-то в горле. Руки дрожали. Он, обычный библиотекарь, человек, который всю жизнь прятался от реальности за страницами книг, внезапно оказался в центре смертельно опасной игры. И у него в руках была бомба замедленного действия. Не та, что осколками разносит тела, а та, что информацией способна предотвратить катастрофу. Или, наоборот, стать причиной его собственной гибели.

Нужно было немедленно действовать.

Он воровато оглянулся. Мужчина в сером плаще, просматривавший газеты, внезапно поднял голову и посмотрел прямо на Егора Алексеевича. Взгляд у него был холодный, как сталь клинка, и абсолютно лишённый того любопытства, которое обычно бывает у посетителей библиотеки. На секунду их взгляды встретились. Затем мужчина медленно, не отводя глаз, закрыл подшивку газет и что-то пробормотал себе под нос. Егор Алексеевич заметил, что мужчина не носил очков, что его ботинки были начищены до блеска, что его плащ был застёгнут на все пуговицы, а в петлице торчала маленькая, едва заметная булавка в виде перевёрнутого креста.

Свешников мгновенно похолодел. Это был не просто посетитель. Это был сигнал. Или совпадение?

Он перевёл взгляд на записку. В одной из последних строк было написано: «...БИБЛИОТЕКА ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ... АГЕНТЫ ВНЕДРЕНЫ... НЕ ДОВЕРЯЙ НИКОМУ...»

Библиотека под наблюдением. Агенты внедрены. Не доверяй никому.

В висках застучало. Значит, они уже здесь. Они следят за ним. Возможно, они знают, что он нашёл записку. Или, возможно, они ищут её так же, как и он.

Нужно было уходить. Уходить из зала, затеряться в лабиринтах книгохранилища, где он знал каждый угол, каждый поворот, каждый запасной выход. Нужно было позвонить в службу безопасности, в полицию, в ФБР. Но кому можно доверять? Фраза «не доверяй никому» жгла его сознание.

Он аккуратно, стараясь не делать резких движений, положил лист с шифром в карман пиджака. Сам фолиант аббата Мартино он оставил раскрытым на столе. Пусть думают, что он просто отлучился на минутку. Хотя, о чём он? Они всё видят.

Егор Алексеевич встал. Ноги его были ватными, но он заставил себя идти спокойным, размеренным шагом к выходу из секции. Шаг. Ещё шаг. Мимо стеллажей с кожаными переплётами, мимо древних карт, развешанных на стенах.

— Мистер Свешников! — внезапно прозвучал у него за спиной резкий, как щелчок бича, голос.

Он вздрогнул всем телом и обернулся. Это был охранник из службы внутренней безопасности, стоявший у входа в главный зал.

— Вы куда это собрались? У вас же, кажется, несданные ключи от архива?

Егор Алексеевич почувствовал, как его лицо заливают краска. Этот охранник, кажется, был из числа тех, кто вечно придирался к мелочам. Но что ему нужно на самом деле? Просто проверить? Или задержать?

— Простите, забыл, — выдавил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Сейчас занесу. Охранник хмыкнул и кивнул в сторону поста.

— Давайте, не задерживайтесь.

Егор Алексеевич сделал вид, что похлопывает по карманам, лихорадочно соображая. Сдавать ключи или нет? Идти на пост — значит, там его могут ждать. Но не пойти — значит, вызвать ещё больше подозрений.

Он зашагал в сторону поста охраны, но в последний момент, когда увидел, что охранник отвлёкся на мониторы, резко свернул в узкий, малозаметный коридор, ведущий к служебным лифтам.

Шаг ускорился. Он уже не шёл, а почти бежал.

— Эй! Свешников! — донеслось из-за спины. Голос был уже не просто недовольным, а злым и требовательным. — Стоять! Немедленно!

Егор Алексеевич не остановился. Впереди была дверь в запасную лестницу, ключ от которой у него, к счастью, был с собой. Он выхватил связку, трясущимися руками нащупал нужный ключ, вставил в замочную скважину. Щелчок. Он толкнул тяжёлую металлическую дверь, выходящую на лестничную клетку, и бросился вниз по ступенькам, перепрыгивая через две.

Позади, в коридоре, уже раздавались торопливые шаги. И не одного человека, а по крайней мере двух-трёх. Они шли за ним.

Егор Алексеевич пробежал несколько пролётов, слыша, как гулко колотится сердце, как в лёгких разгорается огонь, как сбивается дыхание. Он не был спортсменом. Но страх гнал его вперёд, как хлыстом.

Добравшись до подвального уровня, он снова услышал шаги. Они были уже не сверху, а внизу, сбоку, в соседнем коридоре. Его преследовали с обеих сторон. Они знали эту сеть ходов не хуже него. Или лучше.

Он замер, прижавшись к холодной бетонной стене, и лихорадочно огляделся. Он оказался в техническом туннеле, где проходили трубы отопления и кабели связи. Тусклые лампы под потолком мигали с нерегулярными интервалами, создавая рваный, пульсирующий свет. Воздух здесь был спёртым, пахло ржавчиной и нагретым металлом. Он знал это место. Это была зона «Б», соединяющая главный корпус с подземным книгохранилищем.

Он услышал, как в туннеле эхом отдаются голоса. Они переговаривались между собой на каком-то языке. Это был не английский. И не испанский. Похоже на...

Он не стал вслушиваться. Нужно было уходить. Он метнулся вправо, к одной из дверей, но она была заперта. Затем влево — снова заперто. Ещё одна дверь — заперта. Они блокировали здание. Паника начала захлёстывать его, словно тёмная вода.

Вдруг он вспомнил. В конце этого туннеля, за поворотом, была небольшая ниша, которую использовали электрики для хранения кабелей. Там был люк, ведущий в коллектор. Не самый приятный путь, но он мог вывести его к старому, заброшенному архиву, о котором, возможно, не знали его преследователи.

Он рванул туда, стараясь ступать как можно тише. Старая, выкрашенная когда-то зелёной краской дверь, которая, в отличие от других, закрывалась на обычную щеколду, была уже близко. Вот она, спасительная щель в сером бетоне.

Он схватился за ручку, потянул на себя. Заперто. Изнутри, наверное.

Шаги за спиной становились всё ближе.

Он оглянулся в панике. Взгляд упал на стоявший у стены пожарный стенд. Там, за стеклом, помимо огнетушителя, обычно лежали инструменты: лом и топор. Егор Алексеевич, не раздумывая, ударил локтем по стеклу. Осколки брызнули в стороны, царапая кожу. Схватив тяжёлый, холодный лом, он поддел им дверь в том месте, где находилась щеколда, и навалился всем телом.

Металл заскрежетал, доска треснула, и дверь поддалась, открывая зияющий тёмный проём. Он юркнул внутрь, в сырую, воняющую тинной и плесенью темноту, и, захлопнув дверь за собой, изо всех сил навалился на неё плечом.

Через секунду он услышал, как снаружи кто-то начал дёргать ручку. Затем раздался удар. Ещё один. Они пытались выбить дверь.

Егор Алексеевич, тяжело дыша, отполз от двери, не выпуская лома из рук. Сердце колотилось где-то в ушах, заглушая все остальные звуки. Он огляделся. Вокруг был полный мрак, лишь из-под двери сочился узкий луч света.

Он понял, что теперь он не просто архивариус, нашедший страшную тайну. Он — дичь. И его загнали в клетку. В его собственную клетку, которую он так хорошо знал.

Но, возможно, это было и его преимущество. Он знал здесь каждый камень. И он знал, что в этом старом архиве, среди пыльных коробок с копиями патентов, среди стеллажей с давно забытыми отчётами, есть ещё один выход. Очень старый и очень узкий. Вентиляционная шахта.

Он сделал глубокий вдох, стараясь успокоить бешено колотящееся сердце, и, вытянув вперёд руку, словно слепой, двинулся вперёд, в неизвестность. Туда, где, как он надеялся, его не найдут. Или, по крайней мере, где он сможет спрятать это смертоносное послание.

Тишина в библиотеке сменилась для него грохотом разбитого стекла, скрежетом металла и бешеным ритмом собственного сердца. И эта тишина, которую он так любил, теперь должна была стать его оружием. Или его могилой.

Глава 2. Архив забвения

Темнота была не просто отсутствием света. Она была осязаемой, плотной, словно чёрный бархат, в который заворачивают старинные гравюры, чтобы уберечь их от пыли. Егор Алексеевич стоял, прижавшись спиной к холодной бетонной стене, и пытался унять бешено колотящееся сердце. Лом, который он так и не выпустил из рук, казался ему сейчас единственной точкой опоры в этом внезапно обезумевшем мире.

За дверью, которую он только что захлопнул, раздавались тяжёлые, размеренные удары. Судя по звуку, его преследователи не собирались церемониться. Металл глухо гудел, как колокол, и этот гул эхом разносился по узкому коридору, который, как помнил Свешников, вёл в так называемый «архив забвения» — обширное подвальное помещение, куда десятилетиями складывали документы, утратившие всякую ценность, но по бюрократическим причинам не подлежащие уничтожению. Картонные коробки, кипы пожелтевших отчётов, сломанные каталожные шкафы — всё это годами копилось здесь, создавая идеальный лабиринт для того, кто знает его, и смертельную ловушку для того, кто нет.

Он сделал несколько шагов вперёд, вытянув перед собой руку. Пальцы нащупали шершавую поверхность картонной коробки, затем ещё одной. Проход был узким, заваленным какими-то папками. Егор Алексеевич осторожно, чтобы не нашуметь, начал пробираться вглубь, ведя ладонью по стеллажам, которые служили ему ориентиром. Он знал этот участок. Знал, что в конце этого ряда, за поворотом, есть вентиляционная шахта, ведущая наверх, в зал периодики. Если только её не заварили за последние годы.

Удары за спиной стали громче. Кто-то, судя по всему, использовал нечто тяжёлое — возможно, пожарный топор из того же стенда, откуда он взял лом. Дверь жалобно скрипела, но пока держалась, укреплённая, видимо, ещё с тех времён, когда безопасность понималась более примитивно.

— Свешников! — раздался приглушённый, но отчётливый голос. Голос был незнакомый, но звучал уверенно, с ленцой человека, который не сомневается в исходе погони. — Выходи, не усугубляй. Мы просто хотим поговорить. Ты взял то, что тебе не принадлежит. Отдай, и разойдёмся.

Говоривший сделал паузу, как будто ждал ответа. Егор Алексеевич, разумеется, молчал. Он присел за высокой стопкой коробок, стараясь дышать через раз. «Мы просто хотим поговорить». Классическая фраза из тех, что предшествуют удару в спину. Он слишком много читал шпионских романов, чтобы на неё купиться.

— Он где-то там, — произнёс второй голос, более молодой и злой. — В тёмном секторе. Может, подкурить?

— Отставить, — резко оборвал его первый. — Никакого огня. Сам знаешь, сколько здесь бумаги. Всё выгорит к чертям, а нам нужен он сам. И то, что у него в кармане.

Егор Алексеевич похолодел. Они знали про записку. Знали про шифр. Знали, что он у него. Значит, они следили за ним с того самого момента, как он её нашёл. Или, возможно, даже раньше.

Он осторожно, на корточках, двинулся дальше. Пол под ногами был усыпан каким-то крошевом — обрывками бумаги, кусками штукатурки, мышинным помётом. В нос ударил резкий запах плесени и старой, отсыревшей бумаги. Где-то в глубине капала вода: размеренное «кап-кап-кап» отсчитывало секунды его побега, как метроном, который он ненавидел в детстве на уроках музыки.

Он добрался до конца ряда и осторожно выглянул из-за стеллажа. В дальнем углу, у стены, должен был быть технический люк. Но в полной темноте он не мог разглядеть, завален ли проход. Приходилось полагаться только на память.

За спиной снова загрохотало. Дверь, похоже, начала поддаваться. Послышался треск деревянной рамы и звон выбиваемого металла.

Егор Алексеевич понял: время вышло.

Он резко выпрямился, выставив лом перед собой, как таран, и бросился вперёд, на ощупь перебирая руками по стенам. Вентиляционная шахта, по его расчётам, находилась метрах в пятнадцати от того места, где он замер. Преодолеть их нужно было как можно быстрее.

Он бежал, спотыкаясь о разбросанные под ногами коробки, обдирая плечи о края стеллажей. Один раз нога зацепилась за что-то мягкое и податливое — возможно, кипу старых газет, связанных бечёвкой, — и он едва не упал. В последний момент удержался, схватившись за железный каркас стеллажа, который предательски заскрипел под его весом.

Позади, уже совсем близко, раздался щелчок фонарика. Луч света прорезал темноту, выхватив из мрака пыльные стеллажи и заваленные бумагой полки. Егор Алексеевич инстинктивно пригнулся, ныряя за ближайшую колонну.

— Я его вижу! — крикнул тот самый злой голос. — У колонны, справа!

Раздался топот ног. Они приближались.

Егор Алексеевич лихорадочно шарил руками по стене за спиной. Пальцы скользили по холодному бетону, по трубам, по какому-то кабелю. Где же люк? Неужели он ошибся?

Внезапно луч фонарика упёрся прямо в него, ослепив. Он зажмурился, инстинктивно закрыв лицо локтем.

— Стоять! — скомандовал первый голос. — Бросай железку и выходи с поднятыми руками. Иначе пристрелим.

В подтверждение угрозы раздался металлический щелчок — звук передёргиваемого затвора. У них было оружие. Настоящее, огнестрельное.

Егор Алексеевич замер. В висках стучала кровь, и этот стук заглушал даже удары собственного сердца. Мысли метались в панике. Он не был бойцом. Не был супергероем. Он был всего лишь архивариусом, который слишком много знал.

И вдруг, словно по волшебству, пальцы его левой руки нащупали на стене узкую металлическую рамку. Люк! Он был здесь, закрытый старой фанерной заглушкой, о существовании которой, возможно, не помнили даже техники.

Не раздумывая, Егор Алексеевич ударил ломом по заглушке. Фанера треснула и провалилась внутрь, открывая тёмный зев вентиляционного короба. Изнутри пахло холодным, затхлым воздухом и пылью.

— Стреляй! — заорал второй голос.

Раздался грохот выстрела. Пуля, звякнув, выбила сноп искр из бетонной стены в сантиметре от головы Свешникова. В ушах зазвенело.

Егор Алексеевич, повинуясь инстинкту, бросился вперёд, в темноту лаза. Он пролез в узкое отверстие, цепляясь плечами за острые края металла. Лом он выронил. Сзади снова грохнул выстрел, и ещё один, но пули лишь бессильно застучали по кирпичной кладке вокруг входа в шахту.

Вентиляционный короб был узким, не более полуметра в высоту и в ширину. Егор Алексеевич, человек далеко не худощавого телосложения, продвигался с огромным трудом, отталкиваясь локтями и коленями. Пыль, поднимавшаяся от его движений, забивала нос и горло, вызывая приступ кашля, который он изо всех сил старался подавить.

Сзади слышалось какое-то возбуждённое переругивание. Кто-то пытался пролезть за ним, но, судя по звукам, безуспешно — шахта была слишком тесной для них.

— Уходит! — крикнул один. — Обходи его через галерею! К залу периодики!

Егор Алексеевич продолжал ползти, обдирая кожу на локтях. Мысли его были сосредоточены на одной цели: добраться до поворота, который, как он помнил, выведет его в верти-

кальную шахту, ведущую на первый подвальный этаж. Там, за старой решёткой, находилась застеклённая галерея, соединяющая корпус с книгохранилищем.

Он полз, считая про себя повороты. Первый, второй. Где-то вверху, сквозь тонкие стенки короба, доносились шаги — его преследователи бежали параллельным коридором, стараясь перехватить его у выхода.

Перед ним, наконец, показался слабый отблеск света. Решётка! Она была здесь, закрывала конец горизонтального лаза. За ней, кажется, горела аварийная лампа.

Егор Алексеевич собрал последние силы, подполз вплотную и что есть мочи надавил ногами на решётку. Та поддалась не сразу — её держали какие-то старые шурупы. Он бил и бил, пока не почувствовал, как металлическая сетка с жалобным скрипом вылетела наружу.

Он вывалился из шахты на холодный бетонный пол. Кубарем перекатился в сторону, больно ударившись боком о чугунный стояк трубы. Вокруг было уже светлее: здесь, в этой части подземелья, горели редкие дежурные лампы, заключённые в проволочные корзины.

Секундой позже он услышал тяжёлый топот бегущих ног — уже не сзади, а спереди, из-за поворота коридора. Они перехватывали его у галереи.

Он вскочил, хотя всё тело болело, и рванул в противоположную сторону — к старой лестнице, ведущей в подвальное книгохранилище. Он знал, что там, среди миллионов томов, он сможет затеряться, как иголка в стоге сена. И, возможно, найти что-то, что поможет ему продержаться до тех пор, пока он не придумает, как передать информацию наружу.

Погоня становилась всё более ожесточённой. Его преследователи больше не скрывались, не требовали сдаться. Они молча бежали, слышался только размеренный топот подошв по бетону. Они были тренированы, двигались слаженно, как стая гончих.

Егор Алексеевич, задышавшись, ввалился в массивную дверь книгохранилища. Здесь, среди бесконечных рядов стальных стеллажей, уходящих на несколько ярусов вверх, стояла особая, стерильная тишина. Светильники, закреплённые на потолке, лили холодный, равномерный свет на переплёты тысяч и тысяч книг. Воздух был сухой, с характерным запахом старой бумаги и переплётного клея.

Он захлопнул за собой дверь, но замка на ней не было. Пришлось подпереть её какой-то тележкой для книг, стоявшей неподалёку. Это могло задержать преследователей лишь на несколько секунд, но в его положении и это было спасением.

Он ринулся вглубь, петляя между стеллажами. Он знал навигацию: каждый ряд был помечен буквами и цифрами, соответствующими классификации. «А-14», «Б-27», «В-03»... Это были его владения, его лес, где каждое дерево было книгой.

Взгляд его лихорадочно скользил по корешкам. «История военного искусства», «Трактат о ядах», «Справочник по химии», «Руководство по изготовлению метательного оружия»... Стоп.

Он на мгновение остановился, схватившись за стеллаж, чтобы перевести дыхание. В голове пронеслась безумная мысль. Он же не просто библиотекарь. Он — архивариус. Он знает, что в этой библиотеке есть всё. Абсолютно всё. И если уж судьба загнала его в этот лабиринт, он должен использовать его сокровища. Не для обогащения, не для науки. Для выживания.

Позади раздался грохот — дверь поддалась. В хранилище ворвались звуки погони: резкие голоса, топот ног по металлическим решёткам переходных площадок.

Егор Алексеевич нырнул за высокий стеллаж и затаил дыхание. Он слышал, как они рассредоточились. Один пошёл по левому проходу, второй — по правому. Они искали его, методично заглядывая в каждый ряд.

— Куда он делся? — прошептал один, совсем рядом, за соседним стеллажом.

— Никуда не денется. Здесь тупик, — ответил другой. — Я слышал, как он бежал сюда.

Егор Алексеевич осторожно выглянул из-за книг. В проходе, метрах в двадцати от него, стоял мужчина в тёмном костюме, с пистолетом в руке. Тот самый, из читального зала, в сером плаще. Только теперь плаща на нём не было, и на поясе висела кобура.

Свешников отпрянул, сердце ушло в пятки. Нужно было действовать, и действовать быстро.

Он лихорадочно оглядел полку перед собой. Книги, книги, книги... А вот и она: «Практическое руководство по изготовлению пороховых и зажигательных смесей». Не то чтобы он мог сейчас что-то изготовить, но сама мысль о том, что знание где-то рядом, придала ему сил.

Он вспомнил, что в этом крыле, в конце ряда «Х», есть подсобное помещение, где реставраторы хранят свои материалы: растворители, лаки, клеи. Среди них вполне могли оказаться ацетон или скипидар — жидкости, легко воспламеняющиеся. Если смешать их с чем-то вроде старой пакли, которой перевязывают папки...

Егор Алексеевич пополз, пригибаясь, в сторону подсобки. Это было рискованно, но выбора не оставалось. Он должен был дать бой. Не ради победы, а ради того, чтобы выиграть время.

Добравшись до конца ряда, он увидел заветную дверь. Она была приоткрыта. Он скользнул внутрь, стараясь не шуметь. Внутри пахло химикатами, стояли банки, бутылки, рулоны марли, инструменты.

Закрыв за собой дверь на щеколду, он быстро осмотрелся. На полке у входа — стеклянная бутылка с этикеткой «Скипидар очищенный». Рядом — банка с олифой. Чуть дальше — пакля, которой протирают кисти, и какие-то тряпки.

Он схватил бутылку, открутил пробку. Едкий запах ударил в нос. Затем нашёл стеклянную банку поменьше, с завинчивающейся крышкой. Отлил в неё скипидар, добавил олифы для густоты. Затем нарезал тряпку на полоски, пропитал одну из них остатками смеси и, скрутив, вставил в горлышко банки. Получилась примитивная зажигательная бомба.

Он понимал, что использовать её в помещении, полном книг, — безумие. Но выбора не было. В крайнем случае, это был его последний аргумент.

В дверь подсобки внезапно постучали. Затем раздался голос:

— Открывай, Свешников. Мы знаем, что ты здесь. Не усложняй. Выходи, отдай записку, и мы оставим тебя в живых.

Голос был на удивление спокойным, даже доброжелательным. Но Егор Алексеевич не верил ни единому слову.

Он прижался к стене у двери, держа банку с зажигательной смесью в одной руке и зажигалку, которую случайно нашёл в кармане (он иногда баловался курением трубки на заднем дворе), — в другой.

Дверь содрогнулась от мощного удара. Щеколда заскрежетала.

— Уходим через вентиляцию! — вдруг услышал он второй голос. — Подсобка со стеклянными банками, он может устроить пожар.

— Плевать, — отрезал первый. — Подожжёт — сам сгорит. А нам нужен только носитель информации.

Снова удар. На этот раз щеколда не выдержала, и дверь распахнулась.

Егор Алексеевич, не раздумывая, чиркнул зажигалкой, поднёс к фитилю. Тряпка вспыхнула, затрещала, огонь побежал по пропитанной ткани.

Он швырнул банку в дверной проём.

Раздался грохот бьющегося стекла, и в следующий миг коридор позади двери осветился яркой, ревушей вспышкой. Пламя взметнулось до потолка, лизнув стальные балки. Послышался крик, полный боли и ярости.

Егор Алексеевич не стал ждать. Он развернулся и бросился к задней стене подсобки, где, как он помнил, было небольшое окно-проём, выходящее в узкий технический коридор. Оно было забрано решёткой, но решётка крепилась на обычных болтах.

Он выхватил из ящика с инструментами отвёртку и начал лихорадочно откручивать болты. Руки тряслись, пот заливал глаза. Позади нарастал жар и треск огня, слышались отчаянные попытки сбить пламя.

— Чёртов псих! — орал кто-то. — Он всё подожжёт!

Решётка наконец поддалась. Егор Алексеевич выбил её, пролез в узкий проём и спрыгнул в темноту технического коридора. Падение было жёстким, он подвернул лодыжку, но боль лишь подстегнула его.

За спиной, в подсобке, уже бушевал настоящий пожар. Он поджёг книги. Свои же книги. Свою жизнь.

Он бежал, прихрамывая, по техническому коридору, и слёзы текли по его щекам — слёзы боли, страха и отчаянного, всепоглощающего чувства вины перед миллионами томов, которые могли пострадать из-за него.

Но позади был враг. А впереди — лишь тишина и темнота. И единственное, что поддерживало его, — это мысль о том, что если он не выживет, никто не узнает о том, что написано в той записке. И тогда погибнут не книги. Погибнут люди.

Он должен был выжить. Во что бы то ни стало. Он двинулся вперёд, выставив перед собой левую руку, а правой касаясь шершавой, холодной кладки. Пол под ногами был неровным, выложенным старым, стёртым от времени кирпичом, кое-где провалившимся, кое-где залитым застывшим цементным раствором. Подошвы его туфель скользили, и каждое неверное движение отдавалось резкой болью в лодыжке. Но он не останавливался.

Через несколько шагов Егор Алексеевич понял, что тьма здесь не была абсолютной. Откуда-то сверху, сквозь узкие щели в вентиляционных отверстиях, пробивался слабый, рассеянный свет — отблески уличных фонарей, дождливое серое сияние ночного города. Эти редкие проблески выхватывали из мрака очертания стен, покрытых белёсым лишайником, и потолок, с которого свисали длинные, похожие на седые бороды, нити паутины.

Егор Алексеевич остановился на мгновение, чтобы перевести дыхание, и прислушался. Сверху, из-за двери, которую он закрыл, доносились едва различимые голоса. Казалось, преследователи всё же задержались у входа. Возможно, они не знали о существовании этого прохода или не решались войти в полную темноту. Но расслаживаться было нельзя. Рано или поздно они найдут способ.

Он снова зашагал вперёд, ощупывая стену. Катакомбы, как он помнил из архивных планов, представляли собой сеть узких коридоров, соединённых небольшими камерами, которые когда-то использовались для хранения угля, льда и хозяйственных припасов. Позже, в годы великих войн, эти подземелья служили убежищами и временными хранилищами для особо ценных документов. Здесь, по слухам, даже прятали часть президентской корреспонденции во время одного из военных конфликтов.

Пахло здесь особенно: сырой известкой, застоявшейся водой, старой гнилью, которую не проветривали десятилетиями. Этот запах был настолько густым, что Егор Алексеевич непроизвольно задыхался ртом, стараясь не вдыхать его полной грудью. Лёгкие и без того саднили от бега, от дыма, от пороховой гари.

Пройдя ещё несколько метров, он наткнулся на невысокую арку, за которой проход расширялся. Здесь было чуть светлее: где-то наверху, под самым потолком, располагалась старая чугунная решётка, сквозь которую пробивался тусклый свет. Это, скорее всего, была одна из вентиляционных отдушин, выходившая куда-то во внутренний двор или в подвальный этаж соседнего здания.

Егор Алексеевич присел на какой-то деревянный ящик, стоявший у стены. Ящик был старым, трухлявым, но выдержал его вес. Он вытянул вперёд распухшую ногу и осторожно, морщась от боли, снял туфлю. Нога внутри носка была горячей, как головешка, и отёк уже распирает кожу. Нужно было зафиксировать сустав, иначе он не пройдёт и ста метров.

Он огляделся. Вокруг валялись обрывки старых верёвок, куски мешковины, битый кирпич. Егор Алексеевич снял с себя пиджак, который и без того уже превратился в жалкое подобие одежды, и начал отрывать от него полоски ткани. Затем, действуя на удивление хладнокровно для своего состояния, обмотал лодыжку несколькими слоями, стянул их как можно туго и завязал узлом. Боль не ушла, но нога теперь казалась более стабильной, словно он сам себе наложил тугую повязку.

Он обулся и снова встал, проверяя, может ли опираться на повреждённую конечность. Оказалось, что может, хотя и с трудом.

Вдруг за спиной, в глубине коридора, раздался грохот — это выбивали дверь. Значит, они всё-таки пошли за ним. Егор Алексеевич вздрогнул, прижался к стене и замер. Голоса стали громче.

— Он ушёл туда, — говорил один из преследователей. — Я же говорил, что здесь есть подземный ход. Эти архивные крысы знают свои норы.

— Откуда здесь выход? — спросил второй, хриплый, с одышкой.

— По старым планам — в восточное крыло, к залу редких рукописей. Но эти катакомбы перекрывали в девяносто шестом. Думаю, часть завалена.

— Значит, он в ловушке.

— Вот и проверим.

Егор Алексеевич слушал этот разговор, и мурашки бежали по его спине. Они знали про катакомбы. Они знали про выход. Они знали про завалы. Значит, он действительно мог оказаться в ловушке. Но что-то в их словах дало ему надежду: они не были уверены, что проход свободен. Возможно, они сами никогда не спускались сюда. А он, хоть и не знал этих мест досконально, всё же имел перед ними преимущество: он читал старые планы, он знал, где искать указатели, где могут быть дренажные отверстия, где сохранились старые клейма на стенах.

Он пригнулся и ускорил шаг, стараясь двигаться как можно тише. Ему нужно было добраться до того самого зала редких рукописей, который упомянули преследователи. Если он успеет выйти туда раньше, чем они перехватят его, у него появится шанс затеряться среди читателей и сотрудников, а затем пробраться к выходу или к телефону.

Но идти было всё труднее. Коридор то сужался, то расширялся, то обрывался небольшими ступенями, на которых он едва не падал. Стены здесь были покрыты слизью, и рука то и дело соскальзывала. В одном месте он наступил на что-то живое, что пискнуло и метнулось в сторону. Егор Алексеевич с трудом подавил крик, но сердце бешено заколотилось.

Через некоторое время он заметил, что стены стали суше, а воздух — чище. Значит, он приближался к выходу. Впереди показалась массивная деревянная дверь, обитая железными полосами. Она была приоткрыта, и сквозь щель пробивался электрический свет.

Егор Алексеевич подошёл ближе и осторожно заглянул в щель. За дверью располагался широкий подвальный коридор, освещённый редкими лампами. Вдоль стен стояли стеллажи с картонными коробками. Это было уже не катакомбы, а подвал восточного крыла библиотеки. Где-то там, наверху, находился зал редких рукописей.

Он сделал шаг к двери, но вдруг услышал шаги. Кто-то шёл по коридору с той стороны. Егор Алексеевич отпрянул, прижавшись к стене катакомб. Через мгновение дверь открылась шире, и в проём заглянул мужчина в форме охранника библиотеки. В руке он держал фонарик, но не включал его, видимо, света в коридоре было достаточно.

Охранник постоял несколько секунд, всматриваясь в темноту катакомб, затем что-то сказал в рацию. Егор Алексеевич не расслышал слов, но заметил, что охранник говорил очень тихо, почти шёпотом. Затем он отошёл, и дверь снова закрылась.

Свешников остался стоять в темноте. Что это было? Совпадение? Или его уже ждали и здесь? Он вспомнил фразу из записки: «Агенты внедрены». Возможно, охранник тоже работает на них. Возможно, все выходы перекрыты не только снаружи, но и изнутри.

Он простоял несколько минут, не решаясь выйти. Затем всё же медленно, бесшумно открыл дверь и выглянул. В коридоре никого не было. Тогда он проскользнул внутрь и, прижимаясь к стеллажам, двинулся к лестнице, которая, как он помнил, вела в зал редких рукописей.

Подъём был крутым, ступени — выщербленными. Егор Алексеевич поднимался, опираясь на перила, стараясь не шуметь. На полпути он остановился и прислушался. Где-то наверху разговаривали. Голоса были тихие, но возбуждённые. Он разобрал отдельные слова: «пожар», «эвакуация», «перекрыть». Значит, его зажигательная бомба всё же вызвала настоящий переполох. Возможно, в библиотеке началась эвакуация. Это было и хорошо, и плохо: хорошо, потому что он мог затеряться в толпе; плохо, потому что все входы и выходы наверняка уже оцеплены.

Он преодолел последний пролёт и оказался в небольшом вестибюле перед залом редких рукописей. Здесь было пусто. Он подошёл к двери, ведущей в зал, и замер. За стеклянной перегородкой, в самом зале, стояли двое: Маргарет Томпсон и тот самый охранник, который только что заглядывал в катакомбы. Они о чём-то разговаривали, склонившись друг к другу. Егор Алексеевич отступил в тень, но всё же успел заметить, как Маргарет передала охраннику какой-то небольшой предмет, похожий на флешку или на листок бумаги.

Это могло быть что угодно. Возможно, это была схема здания. Возможно, информация о нём. А возможно, Маргарет была тем самым агентом, о котором говорилось в записке. Егор Алексеевич почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он больше не знал, кому верить. Даже человек, который заботился о нём все эти годы, мог оказаться предателем.

Он стоял в темноте, прижавшись к холодной стене, и слушал, как в висках стучит кровь. Выход был рядом, но он не знал, безопасен ли он. Нужно было что-то решать, но голова отказывалась работать.

Вдруг его взгляд упал на старинную книгу, лежавшую на столике у входа в зал. Это был толстый том в кожаном переплёте, с золотым тиснением. Он лежал так, словно его только что оставили здесь. Егор Алексеевич медленно, не сводя глаз с Маргарет и охранника, подобрался к столику и прочитал название: «История тайных обществ Востока». Книга была раскрыта на странице, где описывались методы передачи секретных сообщений через книги.

Егор Алексеевич вздрогнул. Это не было случайностью. Это было послание. Но от кого? И кому?

Он не стал долго раздумывать. Он сунул книгу под мышку и, стараясь оставаться незамеченным, скрылся в боковом проходе, ведущем к лестнице наверх. Нужно было выбираться. И как можно скорее.

Он шёл вперёд, и каждый шаг приближал его не только к выходу из библиотеки, но и к разгадке, которая становилась всё страшнее и страшнее. Он не знал, что ждёт его за следующей дверью. Но он знал одно: останавливаться нельзя. Теперь он был не просто архивариусом, случайно нашедшим чужую тайну. Он был человеком, который несёт в себе знание, способное изменить ход событий. И это знание могло стоить ему жизни.

Глава 3. Читальный зал как поле боя

Егор Алексеевич поднимался по боковой лестнице, прижимая к груди тяжёлый том в кожаном переплёте. Каждая ступенька отзывалась тупой, ноющей болью в зафиксированной лодыжке, а сердце колотилось где-то у самого горла, мешая дышать. Книга, которую он машинально унёс с собой, была не просто старой монографией о тайных обществах Востока. Она была ключом к чему-то, чего он пока не понимал. Возможно, её оставили специально для него. Возможно, она была частью шифра, продолжением того самого послания, которое жгло ему карман. А возможно, это была просто ловушка, подстроенная для того, чтобы заставить его совершить ещё одну ошибку.

Лестница привела его к двери, за которой слышался приглушённый гул: десятки голосов, топот ног, обрывки фраз. Это был главный вестибюль восточного крыла. Очевидно, пожарная тревога уже сделала своё дело, и посетителей эвакуировали из читальных залов. Егор Алексеевич остановился перед дверью, переводя дыхание, и осторожно приоткрыл её на несколько сантиметров.

В щель он увидел широкий коридор, залитый аварийным светом. По нему, сбиваясь в неровные потоки, двигались люди. Кто-то нёс в руках портфели и ноутбуки, кто-то растерянно озирался, кто-то прижимал к уху телефон. Охранники в тёмной форме, с яркими светоотражающими повязками на рукавах, направляли толпу к выходу, покрикивая стандартные фразы: «Не толпитесь! Сохраняйте спокойствие! Двигайтесь к центральному входу!».

Егор Алексеевич внимательно вгляделся в лица охранников. Он знал почти всех в этой части здания. Вот стоит Джекоб Миллер, добродушный здоровяк, который вечно шутил про погоду и угощал всех леденцами. Но сегодня лицо его было сосредоточенным и каким-то чужим. Вот Патрик О'Нил, которого все звали просто Пэт, — тот самый охранник, которого Свешников видел несколько минут назад рядом с Маргарет. Он стоял у поворота коридора и пристально вглядывался в лица проходящих людей. Его взгляд был цепким, холодным, как у следователя, который ищет в толпе знакомую фигуру.

Егор Алексеевич отпрянул от двери и прижался к стене. Выходить через вестибюль было опасно. Если Пэт действительно работал на его преследователей, он наверняка знал о том, что беглец всё ещё в здании. Возможно, он даже получил приказ задержать его при первой возможности. Пока толпа служила хорошей маскировкой, но стоило ему выйти на свет, как его бы узнали.

Нужно было искать другой путь.

Свешников снова мысленно развернул в голове карту здания. Восточное крыло соединялось с главным корпусом длинной галереей, которая проходила на уровне второго этажа. Если подняться выше, можно было попасть в зал картографии, а оттуда — к служебной лестнице, ведущей к запасному выходу со стороны подземного гаража. Но этот выход наверняка уже перекрыт.

Он вспомнил о старом, давно не используемом переходе, который соединял восточное крыло с пристройкой для хранения микрофильмов. Этот переход был закрыт на ремонт ещё два года назад, но, насколько ему было известно, ремонт так и не завершили. Там, за кучами строительного мусора, была маленькая дверца, ведущая в подвал, а оттуда можно было пробраться к вентиляционной шахте, которая выходила в переулок позади библиотеки.

Егор Алексеевич повернул назад и начал спускаться по той же лестнице, но не вниз, в катакомбы, а вверх, к площадке второго этажа. Подъём давался тяжело. Он шёл, цепляясь за перила, слыша, как внизу, в катакомбах, всё ещё раздаются голоса преследователей. Они, кажется, потеряли его след, но не оставили попыток.

Второй этаж встретил его пустотой и тишиной. Здесь эвакуация ещё не началась или уже закончилась. Коридоры были пусты, двери кабинетов закрыты, на полу дрожал свет редких дежурных ламп. Егор Алексеевич осторожно двинулся вдоль стены, прислушиваясь к каждому звуку. Где-то капала вода, где-то гудела вентиляция, где-то далеко, за стенами, слышался отдалённый вой сирены. Но в самом коридоре было тихо.

Он дошёл до двери, ведущей в переход к пристройке. Дверь была не заперта, и он проскользнул внутрь. Переход оказался узким, захламлившимся строительным мусором. Повсюду валялись мешки с сухой смесью, обрезки гипсокартона, старые ведра с застывшей краской. В воздухе висел запах цементной пыли и ржавого металла. Егор Алексеевич шёл, переступая через обломки, стараясь не шуметь.

Вдруг он услышал позади шаги. Они были осторожными, крадущимися. Кто-то шёл за ним. Свешников замер, прижался к стене, стараясь слиться с тенью. Сердце забилося так, что, казалось, его стук разносится по всему переходу. Он затаил дыхание.

Шаги приближались. Теперь он слышал и дыхание — тяжёлое, с хрипотцой. Кто-то остановился в нескольких метрах от него. Егор Алексеевич не видел преследователя, но чувствовал его присутствие. Тишина стала осязаемой, плотной, как вата.

— Свешников, — вдруг произнёс голос. Тихий, спокойный, почти ласковый. — Я знаю, что ты здесь. Не нужно прятаться. Я не причиню тебе вреда.

Это был голос Маргарет Томпсон.

Егор Алексеевич не поверил своим ушам. Маргарет? Она пришла за ним? Но как она его нашла? И почему идёт по переходу одна, без охраны?

— Егор Алексеевич, — повторила она, и в голосе её послышались нотки, которые он не слышал раньше: тревога, усталость, даже что-то похожее на мольбу. — Я знаю, что с тобой произошло. Я знаю, что ты нашёл. Пожалуйста, не убегай. Ты в большой опасности. Тебе нужна помощь.

Свешников молчал, вжавшись в стену. Мысли его метались. Маргарет могла быть искренней. Она всегда была к нему добра, даже когда он часами пропадал в архиве, забывая о времени. Но в то же время он не мог забыть ту сцену, когда она передавала что-то охраннику. И он не мог забыть слова записки: «Не доверяй никому».

— Маргарет, — выдал он наконец, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — как вы узнали, что я здесь?

— Я пошла за тобой, — ответила она после короткой паузы. — Я видела, как ты выбежал из зала. Я пыталась тебя остановить, но ты бежал слишком быстро. Я знаю это место. Знаю, что ты пошёл бы именно сюда.

— А охранник? — не унимался Егор Алексеевич. — Тот, с которым вы разговаривали. Пэт. Вы передали ему что-то. Что это было?

Маргарет вздохнула, и в этом вздохе Егор Алексеевич почувствовал нечто похожее на облегчение.

— Я передала ему записку для начальника службы безопасности, — сказала она. — Не ту записку, которую ты нашёл. Другую. В ней я сообщала, что в здании действуют посторонние. И просила проверить восточное крыло. Пэт — один из немногих, кому я всё ещё доверяю.

Егор Алексеевич молчал. Он не знал, верить ли ей. Слишком много совпадений. Слишком много странностей. Но и бежать от неё бесконечно он не мог.

— Почему вы пришли одна? — спросил он.

— Потому что я не знаю, кто ещё может быть агентом, — ответила Маргарет. — Я подозреваю, что в службе безопасности есть предатель. Поэтому я не стала никому сообщать. Ты должен вернуться. Мы вместе пойдём в главный зал и попросим защиты у федеральных властей. У меня есть связи.

— Федеральные власти? — переспросил Свешников. — Вы думаете, они нам помогут? Эти люди, которые меня преследуют, могут быть повсюду. Они уже перекрыли все выходы. Они стреляли в меня, Маргарет. Они устроили пожар в книгохранилище.

— Я знаю, — тихо сказала Маргарет. — Я видела дым. Сюда уже едут пожарные и полиция. Но если ты останешься здесь, они найдут тебя раньше, чем придёт подмога.

Егор Алексеевич на мгновение закрыл глаза. Перед ним стояла женщина, с которой он проработал много лет. Она знала его привычки, его характер, его слабости. Она знала, как он думает. И если она действительно была на стороне врага, то играла свою роль безупречно. Но что-то в её голосе подсказывало ему, что она не лжёт. Или, во всяком случае, она сама верит в то, что говорит.

Он сделал шаг вперёд, выходя из тени. Маргарет стояла в нескольких метрах, в свете аварийной лампы. Лицо её было бледным, усталым, под глазами залегли тени. Она смотрела на него с тревогой и чем-то похожим на сочувствие.

— Ты ранен, — заметила она, бросив взгляд на его ногу. — Тебе нужна помощь.

— Я иду, — коротко ответил он, всё ещё сжимая лом, который, как он только сейчас заметил, так и держал в руке. Он не помнил, когда успел его подобрать. — Но я не пойду через главный вход. Есть другой путь.

Маргарет покачала головой.

— Все служебные выходы уже под наблюдением. По крайней мере, те, что я знаю. Ты предлагаешь идти через крышу?

Егор Алексеевич на миг задумался. Крыша была рискованным вариантом, но не лишённым смысла. С крыши можно было попасть на соседнее здание, а оттуда спуститься по пожарной лестнице. Но для этого нужно было подняться ещё выше, а его нога с каждым шагом напоминала о себе всё сильнее.

— Есть ещё один путь, — сказал он. — Через коллектор. Выход в переулок позади библиотеки. Я видел его на старых планах.

Маргарет нахмурилась.

— Коллектор? Ты уверен? Это опасно. Там может быть затоплено.

— У нас нет выбора, — ответил Егор Алексеевич. — Если агенты уже в здании, они будут искать нас на всех уровнях. Коллектор — единственное место, куда они, возможно, не сунутся.

Маргарет помолчала, затем кивнула.

— Хорошо. Показывай дорогу.

Они двинулись по переходу. Егор Алексеевич шёл впереди, опираясь на лом, как на трость. Маргарет следовала за ним, то и дело оглядываясь. В её движениях чувствовалось напряжение, но она не отставала.

Пройдя через захламлённый переход, они оказались в небольшом техническом помещении, где стояли старые электрические щиты и ржавые распределительные коробки. За одной из них, у самого пола, было квадратное отверстие, закрытое металлической решёткой. Егор Алексеевич присел, с трудом согнув большую ногу, и отодвинул решётку. Из отверстия пахло сыростью и холодом.

— Нам нужно спуститься, — сказал он. — Там, внизу, тоннель. По нему можно пройти до переулка.

Маргарет посмотрела на него с сомнением.

— Ты уверен, что он не перекрыт?

— Нет, — честно ответил Свешников. — Но попробовать стоит.

Он спустился первым, цепляясь за края отверстия и стараясь не нагружать повреждённую ногу. Внизу было темно, но не абсолютно. Где-то вдалеке, сквозь щели в старых перекрытиях, пробивался слабый свет. Вода, судя по звуку, текла где-то по дну, но неглубоко.

Маргарет спустилась следом, неловко приземлившись и едва не упав. Егор Алексеевич поддержал её, удержав за руку.

— Осторожно, — прошептал он. — Здесь скользко.

Они двинулись вдоль стены, стараясь держаться сухих участков. Вода действительно была: ноги то и дело попадали в холодные лужи, от которых по телу пробегала дрожь. Но в целом тоннель был проходим.

Они прошли метров пятьдесят, когда сзади, откуда они спустились, послышался шум. Кто-то двигался по тоннелю. Егор Алексеевич замер и оглянулся. Вдали, у самого входа, мелькнул луч света.

— Они идут за нами, — прошептала Маргарет.

— Быстрее, — отозвался Свешников, ускоряя шаг.

Он уже не шёл, а почти бежал, несмотря на боль. Лом в его руке снова стал оружием. Маргарет не отставала. Они свернули за угол, где тоннель расширялся, и здесь, у стены, Егор Алексеевич заметил старую железную дверь. Он схватил её за ручку, рванул на себя. Дверь поддавалась, открыв узкий проход, из которого пахло свежим воздухом.

— Сюда! — скомандовал он.

Они юркнули внутрь и захлопнули дверь. Егор Алексеевич нащупал засов и задвинул его. Вовремя: через секунду с той стороны раздались удары. Кто-то бил в дверь чем-то тяжёлым.

— Отсюда должен быть выход наверх, — задыхаясь, произнёс Свешников. — Нам нужно подняться по этой лестнице.

Перед ними действительно была лестница: крутая, железная, уходящая вверх, в темноту. Они начали подниматься, цепляясь за перила, которые шатались и скрипели под руками. Позади грохотала дверь. Удары становились всё сильнее. Засов, судя по звуку, начинал поддаваться.

Егор Алексеевич лез, не оглядываясь. Где-то наверху должен был быть люк, выходящий в переулочек. Он знал это по планам, но не был уверен, что люк не заварен. Если он не откроется, они окажутся в ловушке.

Наконец, нащупав над головой холодный металл люка, он изо всех сил надавил на него ладонями. Люк не поддался. Тогда он ударил по нему ломом. Металл загудел, но не сдвинулся. Удары снизу, по двери, становились всё громче.

— Помоги мне! — крикнул он Маргарет.

Она поднялась к нему, и вдвоём они навалились на люк. С третьего или четвёртого усилия тот наконец приподнялся, и в щель хлынул холодный ночной воздух с дождём.

Егор Алексеевич вылез наружу, помог выбраться Маргарет. Они оказались в узком переулочке, заставленном мусорными баками и деревянными паллетами. Дождь лупил по плечам, по лицу, по асфальту, стекая в решётку водостока. Вдалеке слышались сирены — к библиотеке, судя по всему, уже подъехали пожарные и полиция.

— Скорее, уходим, — сказала Маргарет, дёрнув его за рукав. — Нам нужно затеряться в городе.

Егор Алексеевич кивнул, и они, не оглядываясь, побежали вглубь переулочка, подальше от библиотеки, от выстрелов, от огня, от той тайны, которая теперь навсегда изменила его жизнь. За спиной оставалась тишина, разорванная пожарной тревогой, и крики людей, которые всё ещё искали его. А впереди был город, огромный и равнодушный, готовый принять его в свою дождливую ночь, как принимал всех беглецов до него. Но Егор Алексеевич знал: теперь его жизнь уже никогда не будет прежней. И где-то в этом городе, среди миллионов людей, ему нужно было найти способ передать то, что он знал, тем, кто сможет этому поверить. Прежде, чем его настигнут. Они бежали, не разбирая дороги, по мокрому асфальту переулочка, огибая переполненные мусорные баки и скользя по лужам, в которых отражались редкие фонари. Дождь хлестал по лицам, по спинам, забирался за воротник, но никто из них не обра-

щал на это внимания. Позади, со стороны библиотеки, нарастал гул сирен: пожарные машины, полицейские автомобили, возможно, уже и федеральные агенты. Город, ещё час назад казавшийся Егору Алексеевичу привычным и безопасным, теперь превратился в сплошную зону риска, где каждый прохожий мог оказаться врагом, а каждая тень — ловушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.